

Правовед Карл Шмитт в политике Веймарской Германии (1919–1933)

Баев В.Г.,

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права
Юридического института Тамбовского государственного технического университета
E-mail: vgbaev@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается жизнь и научное творчество одного из самых видных, спорных и противоречивых философов и правоведов Германии конца XIX–XX вв. Карла Шмитта. Его политико-правовые взгляды формировались в сфере противостояния и взаимодействия науки и политики. Шмитт преподавал не столько юриспруденцию, сколько политическую науку. Политика органично входила во все читаемые им правовые курсы. Особый акцент делается на отношении Шмитта к демократии и Веймарской конституции.

Ключевые слова: Карл Шмитт, Веймарская конституция, нацизм и НСДАП, понятие политического.

Специфика исторического развития Германии в период между двумя мировыми войнами привела к известной привязке университетской системы Германии к колеснице нацистского государства. Уже в годы Первой мировой войны часть (и не малая) университетской профессуры, ранее дистанцировавшаяся от политики, стала активно в нее вмешиваться. В годы Веймарской республики эта тенденция окрепла, а после 1933 г. в консервативно настроенных ученых НСДАП нашла себе союзников¹. Сказанное в полной мере относится к знаменитому правоведа и политологу этого времени Карлу Шмитту (1888–1985).

Карл Шмитт считается наиболее самобытным и спорным представителем немецкой юридической науки и философии права XX столетия. Его называют «современным Макиавелли» за то, что в анализе политической реальности у него отсутствуют сентиментальное морализаторство и гуманистическая риторика.

Родился Шмитт 11 июля 1888 г. в рейнском городке Плеттенберге, в католической семье скромного достатка. Юношу тянуло к философии и филологии, но пришлось поступить на юридический факультет Берлинского университета, заняться изучением права: это сулило более радужные материальные перспективы. Почувствовав вкус к юриспруденции, Шмитт, тем не менее, сохранил широкий диапазон интеллектуальных интересов: философия, история, литература, искусство. Кроме незаурядных способностей Шмитт отличался крайним честолюбием и амбициозностью. Эти качества подвигли его к тому, чтобы попробовать свои силы на поприще государственной службы. Однако после короткого пребывания там он надолго перешел в академическую среду, преподавая в университетах Мюнхена, Грайфсвальда, Берлина.

Как заметил один из глубоких исследователей его творчества Дж. Бендерски, Шмитт преподавал не столько юриспруденцию, сколько политическую науку. Политика органично входила во все читаемые им правовые курсы. Своими учителями он считал основоположников европейского консерватизма де Местра, Бональда, Кортеса, идеологов тоталитарного государства Макиавелли и Гоббса, а также теоретика «мифа о насилии», марксиста и анархиста Жоржа Сореля. Уже в 1922 г. он опубликовал первую знаменитую работу под названием «Политическая теология». Но наибольшую известность ему принес труд «Понятие политического» («Begriff des Politischen»)².

Шмитта нельзя считать приверженцем банального консерватизма. Он представлял своим творчеством особое философское движение (третьего пути) в Германии 30-х гг., которое обозначало себя как консервативно-революционное (куда входили — О. Шпенглер, К. Хаусхофер, М. Хайдеггер, А. Меллер ван ден Брук и др.). Именно они интеллектуально подготовили победу национал-социализма.

Потрясения Первой мировой войны и последовавшие за ней революционные события вызвали у Шмитта непреходящий страх перед гражданской войной и большевизмом. Этим объясняется его стремление укрыться под дланью могущественного государства. Форма государства не имела для него значения; главное, чтобы государство могло поддерживать «порядок», обеспечивать безопасность граждан. Подобно Максиму Веберу Шмитт был сторонником сильной президентской власти. В этом смысле Конституция Веймарской республики, содержащая «знаменитую» 48 статью, получила в его лице надежного апологета. Выступления Шмитта в пользу этой статьи были замечены окружением Гинденбурга, и в 30-е гг. ученый получил статус

¹ См.: Баев В.Г. Германское государство в период Веймарской республики в Германии 1919–1933 гг. в зеркале мемуарной литературы. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2002. С. 34.

² См.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

правительственного советника³. Годы, прожитые им в гитлеровском рейхе (сравнительно короткий период почти столетней жизни), показали его человеческую несостоятельность, хотя масштаб творчества и обеспечивал Шмитту видное место в истории политико-правовых учений. Сам Шмитт не мог вообразить, в какой кошмар превратятся его идеи. Однако это не освобождает его от ответственности, тем более что он поставил на службу рейху свой личный авторитет⁴.

Большинство «консервативных революционеров» впоследствии отреклись от национал-социализма в гитлеровском варианте и прямо встали в оппозицию к нему. Карл Шмитт, напротив, вступил в НСДАП и активно сотрудничал с режимом. После капитуляции рейха был арестован американцами и отсидел два года в лагере для «важных лиц». Долгое время не имел паспорта и не мог преподавать, и только в 70-х годах мировая известность стала возвращаться к нему.

Сегодня научно-юридическое наследие Карла Шмитта является необходимым элементом юридического образования в западных университетах. К нему начинают проявлять интерес и российские исследователи⁵. Самого Шмитта больше всего интересовали критические ситуации в политической жизни современности. «Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все», — так эффектно звучит «формула Шмитта». Россия, начиная с Октябрьской революции 1917 г., не перестает ощущать себя в тисках перманентного кризиса. Это в полной мере объясняет актуальность философско-правового творчества Шмитта для современной России.

***

24 марта 1933 г. рейхстаг принял постановление, сводящееся к тому, что государственные законы помимо порядка, установленного конституцией, могут издаваться и правительством империи (ст. 1). Этот закон стал «основой основ» всего фашистского законодательства. Шмитт вступил

³ Незадолго до своего назначения Шмитт рекомендовал запретить обе экстремистские партии — коммунистов и нацистов. Поэтому после утверждения Гитлера рейхсканцлером у Шмитта были серьезные опасения по поводу собственной участи. На всякий случай он уехал из столицы в Кельн и поспешил вступить в нацистскую партию.

⁴ Правда, идеи Шмитта — обоюдоострое оружие. Они, в конечном счете, послужили нацистам, но еще раньше, могли бы быть обращены и против них. См.: Рахшмир П.Ю. Карл Шмитт. Политика — мера всех вещей // Новый Компаньон. 2000. № 13. 25 апр. // URL: <http://www.nk.permonline.ru>.

⁵ См., например: Дугин А. Консервативная революция. М.: Изд-во «Арктогея», 1994; Сулимов К. Политико-правовые воззрения К. Шмитта. К вопросу о негативном опыте конституционализма // Русский журнал. Политика. 2001. № 12 // URL: www.russ.ru/politics/20011211-sul.html; Марун А.В. (Мичиганский университет). Новый строй земли. Карл Шмитт как диагност современного кризиса в мировой политике // Политические исследования. 2003. № 2.

в НСДАП через пять недель после его принятия. И тут же поспешил выступить с комментариями: «Закон 24 марта в сущности и есть конституция современной немецкой революции. На основании этого закона и с его помощью может быть проведено дальнейшее переустройство государства»⁶. Шмитт считал, что современная Германия «напоминает Англию», которая тоже не имеет кодифицированной конституции, а ряд отдельных конституционных актов. Закон о чрезвычайных полномочиях является именно таким актом⁷.

Благодаря таким выступлениям, Шмитт нашел покровительство у Г. Геринга, в конце 1933 г. он уже возглавил группу университетских преподавателей нацистского союза германских юристов. Затем он — редактор «Газеты германских юристов». Вполне понятно, что Шмитт действует не под влиянием инстинкта самосохранения, но как поборник нацистского режима надеется получить роль «коронного юриста» гитлеровского рейха.

В июле 1934 г. Геринг пригласил Шмитта в прусский Государственный совет, а через месяц после так называемого «путча Рема» Шмитт выступил со статьей под названием «Фюрер защищает право»⁸, удивительной даже по нынешним меркам. В этой статье Шмитт, именитый ученый-правовед, безоговорочно поддержал гитлеровскую акцию устрашения. Годом позже Шмитт охарактеризовал нюрнбергские расовые законы как «Конституцию свободы». В начале октября 1936 г. Шмитт выступал с заключительным докладом на берлинском «Конгрессе борьбы против еврейского духа» (Шмитт сам организовал этот конгресс) и завершил свою речь цитатой: «Когда я защищаюсь от евреев, — говорит нам фюрер Адольф Гитлер, — я борюсь за дело Господа». И хотя политическая карьера Шмитта в рамках национал-социализма в конце 1936 г. уже кончилась, и вскоре он был уволен со всех своих партийных должностей (правда, до конца войны за ним, вероятно, благодаря личному заступничеству Геринга, остались не только кафедра в Берлине, но и титул «государственного советника»), все же после 1945 г. Шмитт — в этом смысле почти как М. Хайдеггер — стал одним из тех немногих западногерманских профессоров, кому, согласно прямому указанию союзников по антигитлеровской коалиции, было навсегда отказано в профессорских должностях. Неудивительно, что в изданном в ГДР в 1970 г. «Биографическом лексиконе германской истории» объемом в 770 страниц К. Шмитту не нашлось места, хотя он и заслуживал быть представленным в нем.

⁶ Schmitt K. Das Reichshofhaltergesetz. Berlin, 1933. S. 9.

⁷ Цит. по: Конституции буржуазных государств. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М.-Л., 1935. С. 75.

⁸ См.: Deutsche Juristen-Zeitung XXIX (1933). S. 946.

В 1920-х гг. Карл Шмитт пользовался известностью как видный католический мыслитель-правовед. Разумеется, другие известные католики тоже в течение более долгого срока высказывали свои симпатии к национал-социализму или даже примыкали к нему. В их числе Карл Эшвейлер, профессор систематической теологии в государственной академии Восточной Пруссии, отстраненный от должности по приказу из Рима летом 1934 г., а в 1936 г. уже умерший; Ханс Баррион, специалист по церковному праву из Бонна, Иозеф Лортц, историк церкви, прославившийся после Второй мировой войны своими работами по истории Реформации⁹. Но едва ли кто-либо из них был связан с национал-социализмом столь тесной связью, как Шмитт. В этом отношении Карла Шмитта снова можно сравнить с Мартином Хайдеггером, который, правда, будучи католиком лишь по происхождению (и по недолгому ученичеству у иезуитов), публично никогда о своей принадлежности к католицизму не заявлял.

Поставим вопрос: какие элементы мировоззрения известного мыслителя Карла Шмитта могли побудить его столь драматическим образом примкнуть к Гитлеру — пусть даже и только на три года? При этом следует подчеркнуть, что он не сам ушел, а его, прежде всего за его формальную приверженность католицизму, отстранили от национал-социалистской политической деятельности.

Говоря об «элементах мировоззрения», отметим три мотива, которые, несомненно, внесли свою лепту в решение Шмитта.

Первый мотив — это его недоброе честолюбие и, возможно, нравственная неустойчивость в целом. Об этом свидетельствуют, в частности, два обстоятельства.

Первое обстоятельство: до 1933 г. за Шмиттом не было замечено никаких признаков антисемитизма; до этих пор он часто критически отзывался о протестантизме, но ни разу — о евреях. Достаточно вспомнить переписку Шмитта с молодым, тогда еще совершенно неизвестным ученым-евреем Лео Штрауссом о «понятии политического» в 1932–1933 гг., которая отчасти побудила Шмитта изменить некоторые формулировки его текста¹⁰. Шмитт не стал нацистом оттого, что был антисемитом: наоборот, он сделался антисемитом, по-

скольку это предполагалось национал-социалистской идеологией. Очевидно, для Шмитта карьера в НСДАП была столь важна, что он усвоил и расовую теорию национал-социализма.

Второе обстоятельство подтверждает странности характера Шмитта: в рамках акции устрашения 1934 г. Гитлер распорядился уничтожить нескольких католиков, близких Шмитту по мировоззрению, в том числе, главу католической общины Берлина, министерского директора Эриха Клаузенера. Прежний рейхсканцлер Генрих Брюнинг, видный католик, друг Шмитта, избежал расправы только потому, что в ночь на 30 июня 1934 г. его не смогли разыскать. Маловероятно, чтобы Шмитт обо всем этом не знал. И все же он — единственный из всех немецких юристов высокого ранга — поддержал Гитлера с его расправами.

Второй мотив — это открывавшаяся перед Шмиттом возможность стать видным теоретиком или даже основоположником мощного политического направления. Такая возможность всегда ослепляла интеллектуалов, особенно тех, кто был уверен в собственной гениальности. Этот мотив можно проследить и у левых, и у правых. Примеры — с одной стороны, Хайдеггер, с другой — Дьердь Лукач, занимавший в свое время пост министра по делам культа в правительстве Бела Куна, или Жан-Поль Сартр и Герберт Маркузе, давшие вовлечь себя в парижские события 1969 г.

Третий мотив — это семейная история Шмитта, приведшая его в конце 1920-х годов к заметному отчуждению от католической церкви: после того как Шмитт, прихватив большую часть своего движимого имущества, покинул свою первую жену (известную авантюристку сербского происхождения), он женился снова (и снова на женщине из Сербии), хотя Рим не выразил готовности расторгнуть его первый брак. Подобное поведение в то время было в среде практикующих католиков еще сравнительно редким, и в окружении Шмитта, особенно у его католических друзей, оно вызвало осуждение.

Эти три мотива представляют чисто биографический интерес и потому не столь интересны. Куда более важными являются мировоззренчески-теоретические связи между шмиттовским отношением к католической традиции и его бегством в лагерь национал-социалистов.

С одной стороны, это определенные черты тогдашнего немецкого католицизма, сблизившие его с национал-социализмом (до 1934 г. они отмечаются у многих, в том числе и у епископов), а с другой — специфические особенности учения самого Карла Шмитта о государстве и праве. Сказанное помогает понять, почему с 1933 г. и особенно после путча Рема громадное большинство немецких католиков и, в том числе, именно като-

⁹ Эшвейлер, видимо, был отпущен потому, что дал положительный отзыв на проект закона о защите детей и подростков, страдающих наследственными заболеваниями. Баррион тоже — хотя и только на один год — был отпущен; вероятно, это произошло потому, что он написал для правительства Рейха критический по отношению к Риму отзыв о конкордатных отношениях. Он также относится к тем немногим немецким профессорам, которые после 1945 г. навсегда потеряли свой места в университетах. Лортц уже в 1934 г. начал дистанцироваться от национал-социализма.

¹⁰ См.: Meier H. Carl Schmitt, Leo Strauss und «der Begriff des Politischen». Stuttgart, 1988.

лических интеллектуалов, увлекались Гитлером. Шмитт же, напротив, до начала 1933 г. относился к национал-социализму скорее «скептически-отчужденно»¹¹, а в 1933 г. вдруг обратился к нему. Что касается католицизма в первые 15 лет после Первой мировой войны, то на поверхность выходит еще одна отличительная грань: между позицией Рима и особенностями немецкого католицизма того времени. Тогдашние немецкие католики в большинстве своем были «верны Риму», но, несомненно, существовали и некоторые специфические черты католицизма в Германии. Позиция Рима может быть понята из того, что ужас перед «идеями 1789 г.» все еще пронизывал его до мозга костей, а потому он старался пресекать, душить в зародыше все попытки приспособления церкви к «духу времени». Так, попытка «примирить демократию с «Христом», предпринятая Марком Санье и движением «Сийон», была осуждена в 1910 г. папой Пием X (Шмитту тогда было десять лет). Папа Лев XIII пытался обосновать допустимость демократических форм государственности, не ставя при этом под вопрос слова апостола Павла из «Послания к Римлянам», согласно которым всякая власть исходит от Бога. Но и Лев XIII тоже категорически не принимал «свободу мысли, свободу печати, свободу обучения, как и безразличную свободу вероисповедания» в качестве основ государственности.

В 1920-е гг. Шмитт мог полностью рассчитывать на то, что он со своей критикой парламентской демократии и в целом индивидуалистически-либерального государства окажется на стороне папства с его социальным учением. То же можно сказать о *решительной критике правового позитивизма у Шмитта*. Критикуя позитивизм, Шмитт нигде не ссылается на католическое учение о естественном праве. Он никогда не принимал участия в полемике между немецкими католиками относительно разрушения монархии и строительства Веймарской республики. Что касается последней, он не задавался вопросом о том, верно ли, что, как гласит первая статья Веймарской конституции, государственная власть исходит от народа. Лишь случайно у Шмитта можно вычитать, что он считал монархию устаревшей формой государства, не мог выставить никаких упреков демократии и даже признавал принцип суверенитета народа.

¹¹ Dahlheimer M. Carl Schmitt und der Deutsche Katholizismus. 1888–1936. Paderborn, 1996. S. 456. Впрочем, близость Шмитта к национал-социализму проявляется уже в 1930 г.: с этого года он больше уже не публикует статей в католических журналах, но только в таких, которые симпатизируют НСДАП. Мнение, что Шмитт при этом относился к национал-социализму «скептически вплоть до неприятия», основывается на статье, вышедшей в 1932 г.; в этой статье Шмитт, в частности, писал, что «партия вступает через врата законности, чтобы затем закрыть их за собою». Летом 1932 г. Шмитт был занят разработкой плана, способного осложнить НСДАП приход к власти.

Точка зрения Рима, поддерживаемая и в среде немецких католиков, выражалась, прежде всего, в неприятии либерализма и, конечно, социализма, особенно в его марксистском варианте. При этом не так-то легко уловить, что именно тогда понимали под «либерализмом». Рим использовал это выражение в первую очередь как обозначение тех учений, которые склоняются к разделению церкви и государства.

В Германии под либерализмом понимали нечто более общее, а именно: нечто противоположное установке на сильное авторитарное государство, которое было бы в состоянии во имя истины действовать вопреки множеству частных интересов, выражающихся в свободе слова, собраний, печати и пр. Все, чем существующее государство в худшую сторону отличается от этого образца, подходит под рубрику «либерализма»: это и «партийное государство», в котором реализуют свою волю случайные группировки, не заботящиеся об истине; это парламенты, в которых ведутся бесплодные прения и вырабатываются лишь новые и новые компромиссы; это правовая система, не опирающаяся на метафизические основания; это «индивидуалистическое» и «механическое» понимание общества (которому противопоставляется «народ» как органическое единство), это «тирания экономического» (ее часто описывали как «американизм») и «уравниловка», скрытая за представлениями о равенстве; и, наконец, это всеобщая «разнузданность», из-за которой свобода оборачивается своей противоположностью. Все эти идеи вели вовлеченных в политику католиков не к неприятию Веймарской республики в целом, но к мнению, что она есть некий род «государства за неимением лучшего», на смену которому должно прийти нечто более солидное, и чем скорее, тем лучше. Даже те католики, которые, подобно Шмитту, видели в монархии устаревшую форму правления и не выступали против демократии как таковой, согласны были принять Веймарскую республику лишь постольку, поскольку альтернативой ей были анархия и насилие¹².

Нетрудно понять, что на основе этого неприятия «либерализма» у католиков тоже вызвали сочувствие столь многие высказывания Гитлера и его приверженцев. Лишь немногие из известных католиков, например, главный редактор выходившей в Мюнхене газеты «Прямой путь» («Der Gerade Weg») Фриц Герлих (он был арестован во время путча Рема и вскоре замучен в тюрьме) еще в конце 1920-х гг. предвидели, что получится, если Гитлер придет к власти. После 1933 г. лишь немногие понимали, что Гитлер замышляет завоевательные походы и собирается

¹² См.: Лобковиц Н. Карл Шмитт — католический фашист? // Вопросы философии. 2001. № 5.

развязать мировую войну. Гитлер тогда еще не предпринимал атак на церковь, наоборот, внешне старался достичь с нею взаимопонимания, и о войне речи еще не шло. И все же более или менее знаменитые католики, живо поддерживавшие приход Гитлера к власти в 1933–1934 гг. или ставшие приверженцами национал-социалистического режима позднее, были в явном меньшинстве.

Карл Шмитт почти с самого начала своей карьеры (ученую степень он получил в 1922 г.) решительно ополчился против тогдашнего правового позитивизма, т.е. учения, согласно которому право есть не что иное, как сумма фактически действующих законов. Но при этом Шмитт не опирался и на католическое учение о естественном праве. В одном из писем, написанных сразу после войны, Шмитт утверждает, что естественное право есть не что иное, как «сумма общих заключений, столь дешевых, банальных и невнятных, что мне стыдно заниматься ими». Шмитт отрицает какую-либо ценность традиционного учения о естественном праве, а потому о нем трудно сказать, какое учение он разделяет сам, учитывая, что он ушел и от правового позитивизма. Неясно также, что именно Шмитт понимает под «правовым позитивизмом». Решающий момент в католической теории естественного права, как ее трактовали в 1920-е гг., состоял в признании того, что право, на которое должны опираться законы и которому они ни в каком случае не должны противоречить, коренится в «вечном законе», который можно вычитать в Творении Божьем, а значит — в природе вещей.

Шмитт в противоположность католической теории естественного права категорически отвергал представление, что право и нравственность имеют общий источник или даже что право укоренено в нравственности. В своей диссертации Шмитт обосновывал это самым диковинным аргументом: если бы право имело тот же источник, что и этика, право и нравственность относились бы друг к другу так же, как государство и Бог, а тогда пришлось бы считать государство божественным.

Но при внимательном чтении его труда возникает впечатление, что право, для того чтобы стать законом (и вообще для того, чтобы существовать), требует в качестве предпосылки государство. Без решений государства право, по Шмитту, остается практически бессодержательным, не более чем общей руководящей идеей. Шмитт цитирует знаменитые слова Гоббса: «власть, а не истина, дает закон». При осуществлении права для государственной власти существует лишь одна граница, а именно та, что эта власть, не ставя под вопрос самое себя, не может постановить ничто вместо нечего. Для критического взгляда, писал Шмитт в 1914 г., важнее то, «что вообще возникает некое положительное определение, а не то,

какое конкретное содержание в нем заключено». Поскольку это лишь сделанное мимоходом замечание, не будем упускать из вида, что Шмитт выступает за нечто несравненно более спорное, нежели правовой позитивизм, а именно: утверждает, что государство — никому не подвластный господин над правом. Когда государство, вместо того чтобы решать, предается в своих институциях (конкретно — в парламенте) пустой болтовне, то тем самым оно изменяет своей собственной сущности. Шмитт ополчается против правового позитивизма не потому, что там отрицается какая-либо предельно общая укорененность закона, но только потому, что он не оставляет места суверенным решениям государства. Если право, как утверждает позитивизм, охватывает лишь действующие законы, то остается неясным, как же возникло право (и в этом разумная сторона шмиттовской аргументации); тогда ведь не существует ничего, что право выражало бы посредством законов.

Этот упор на решение, или, как иногда пишет Шмитт, «децизию», красной нитью пронизывает все, что он создал в 1920-е гг., в годы своего творческого расцвета. Шмитт выпустил ряд книг и статей, где не только критиковал современный парламентаризм, но и открыто противопоставлял ему диктатуру, причем манера его письма часто оставляла неясным, что он просто анализирует со стороны, а к чему склоняется сам. При этом следует учитывать две вещи: во-первых, Шмитт (отчасти, под влиянием Руссо) не считал диктатуру несоединимой с демократией. Поэтому Италия времен Муссолини представлялась Шмитту демократией, и у нее Шмитт взял понятие «*stato totalitario*», «тотального», а не тоталитарного государства.

А, во-вторых, в годы Веймарской республики понятие «диктатуры» у католиков (и именно у католиков) не несло тех изначально негативных интонаций, какие присущи ему в наше время. Когда Шмитт говорит о диктаторе, он не имеет в виду какого-то узурпатора, жаждущего власти или преследующего личные цели; он имеет в виду легитимный авторитет, который в состоянии заполнить правовые бреши там, где они открываются, и тем самым защитить государство. Знаменито положение Шмитта, открывающее его «Политическую теологию»: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении», «Всякое право — это ситуативное право». Суверен обладает монополией последнего решения. *В этом состоит сущность государственного суверенитета, который юридически правильно должен определяться как монополия решения.* Статью 48 Веймарской конституции Шмитт толковал в том смысле, что сам институт президентства дал рейхспрезиденту возможность отзываться на предполагаемую «общую политическую волю

немецкого народа и действовать как защитник и хранитель конституционного единства и целостности немецкого народа»¹³. Что Шмитт имел в виду под заголовком статьи (1933 г.) «Фюрер защищает право», становится понятно только тогда, когда мы вспомним, что другая работа Шмитта, написанная в 1931 г. и касающаяся полномочий рейхспрезидента, называлась: «Гарант конституции». Невзирая на массовые убийства, Шмитт рассматривал гитлеровскую акцию 1934 г. явно по аналогии с обозначенными им полномочиями рейхспрезидента. Кроме того, Шмитт в эти годы занимался вопросом, как в переломное время может возникнуть легитимная новая конституция; с некой долей логики он указывал, что на основе ранее действовавших законов осуществлять это невозможно.

Чтобы поставить все сказанное о Шмитте в верный исторический контекст добавим, что почти каждый из элементов его мыслительной стратегии можно обнаружить и у других католических авторов, даже у тех, кто, в конечном счете, не хотел иметь с Гитлером ничего общего. Другие католические авторы также подвергали парламентаризм радикальному сомнению (пожалуй, прежде всего те, кто ждал возвращения монархии, чего о Шмитте сказать нельзя). Другие тоже были готовы принять в рассмотрение диктатуру конституции (или даже — диктатуру народа) как легитимный шаг (так, например, Отто Кунце, редактор известного католического журнала, писал в 1923 г., что только «диктатура живых сил» сможет защитить политическое единство Германии). Другие тоже считали католическую теорию естественного права слишком абстрактной, бесполезной для конкретного политического действия. Многие католические читатели разделяли пристальное внимание Шмитта к элементу решения (сам Шмитт при этом ссылался на католических традиционалистов XIX в., в том числе, на французов де Бональда и де Местра и на испанца Д. Кортеса).

Карл Шмитт, таким образом, — это католик, с некоторого определенного времени и на несколько лет обратившийся (намеренно скандальным образом) к национал-социализму и лично к Гитлеру. Шмитт стал национал-социалистом,

несмотря на то, что был католиком, ибо развивал такие стратегии мысли, которые в основе своей чужды католической традиции; «католический фашист», напротив, злоупотреблял бы своими религиозными убеждениями ради неких сомнительных политических пристрастий. Главным для Шмитта было не католическое учение о естественном праве, но образ мысли, идущий от Томаса Гоббса и, к тому же, своеобразно и произвольно истолкованный. Это так очевидно, что возникает вопрос: как вообще могло случиться так, что Шмитта считали «католическим мыслителем», да к тому же еще и представительным для католицизма? Этой славой он обязан своей книге «Римский католицизм и политическая форма», выпущенной в 1923 г. католическим издательством Якоба Хегнера.

«Римский католицизм» — шедевр стиля, в 1920-е гг. он встретил горячий отклик. О нем по праву писали как о «низком поклоне внутримирскому могуществу католической церкви». Но это именно поклон внутримирской силе, а точнее, юридической структуре церкви, а не ее ценностным представлениям, восходящим к трансцендентным основам. То, что Шмитт восхваляет, говоря о церкви и об «антимирских настроениях» Нового времени, — это прежде всего недвусмысленность, авторитет церкви, ее «воля к решению», которая находит свою кульминацию в учении о непогрешимости папы, а кроме того, как кажется, еще и способность церкви к «репрезентации», т.е. к тому, чтобы представлять нечто другое, чем она сама. Этой способности к репрезентации лишены современные либеральные государства с их чисто вещественным экономизмом, и поэтому Римская церковь есть идеальный образ политического, которому в мире реальных государств едва ли найдется достойная пара.

Такое понимание церкви, хотя, быть может, и не в столь явной юридической политической форме, не было, безусловно, новым уже во времена Шмитта, особенно если вспомнить Англию и Францию: Шмитт просто дал ему более совершенное выражение.

Понятие политического. Шмитт — самый политический мыслитель XX в. Он растворил в политике человеческое бытие. «Политическое» — базисная характеристика человеческой жизни; политика в этом смысле — судьба; следовательно, человек не может ее избежать. Только в политическом контексте человеческая жизнь наполняется смыслом (глубокий истолкователь творчества Шмитта — Лео Штраус). Какова сущность «политического»? Для Шмитта ответ на этот вопрос сводится к вопросу о критерии «политического». *Критерий представляет собой способность распознавать друзей и врагов.* Нет такого различения — нет и политической жизни вообще. То есть очевидна явная антилиберальная

¹³ Положительный пример такого «Защитника конституции», о котором, правда, Шмитт никогда ничего не писал, — польский маршал Иозеф Пилсудский. Хотя сам он участвовал в разработке польской конституции 1921 г., он вопреки этой конституции в 1926 г. провел государственный переворот, ибо правительство казалось ему неспособным справиться с проблемами, стоявшими перед Польшей. При этом Пилсудский ни в коей мере не был фашистом, наоборот, он был убежденным социалистом, хотя и не марксистом, а его «путч» в Польше даже в наши дни оценивается вовсе не однозначно отрицательно. Послевоенный пример «защиты конституции» — это «приход к власти» генерала де Голля в 1958 г., вслед за которым в течение нескольких месяцев была принята новая конституция.

заостренность понятия «политического». Истолкование мира носит у Шмитта подчеркнуто антиконсенсусный характер. Враг — не символ, не некая абстракция, это осязаемая реальность, неотъемлемая часть бытия.

Разделение по принципу «друг-враг» относится, прежде всего, к области межгосударственных отношений. Но подобный дихотомический подход Шмитт распространяет и на внутривнутриполитическую сферу. Его логический итог — гражданская война.

Отношения вражды оказываются главным стимулом для политического существования. Благодаря наличию распознанного врага народ пребывает в состоянии постоянной мобилизованности, не позволяет себе ни малейшего расслабления. И государство остается государством, только сумев определить своего врага.

О том, какое место в учении Шмитта отведено «политическому», красноречиво свидетельствует тот факт, что, несмотря на свойственное германскому правоведу преклонение перед государством, он все же отдавал приоритет не ему, а «политическому». Это политическое характеризуется как «базис государства», т.е. является для него предпосылкой. Правда, это не извечный принцип, а свойство времени.

Прежде, в более спокойные годы политика определяло государство, базировавшееся на устойчивых правовых основах. Но теперь, в эпоху «всемирной гражданской войны» эти основы оказались подорванными. Ныне решающим фактором жизнеспособности государства становится политика или, иными словами, «политическое».

Мощный антилиберальный заряд несет в себе и такой фундаментальный элемент воззрений Карла Шмитта, как «децизионизм» (от фр. decision — решение), т.е. ставка на решение «или — или» в противоположность дискуссии и компромиссу. Децизионизм — это культ решимости и действия. В конечном счете он сводится к «великому или — или, чья суровая непреклонность скорее отдавала диктатурой, чем вечными разговорами».

Концентрированным выражением децизионизма является шмиттовское понятие «исключительного» или «серьезного случая». Речь идет о таких обстоятельствах и ситуациях, которые не предусмотрены никакими нормами. Реальную действительность между двумя мировыми войнами как раз и можно было принять за непрерывную исключительную ситуацию, постоянно требовавшую неординарных решений.

Шмитт отграничивает исключительные случаи или обстоятельства от чрезвычайного или осадного положения. При всей экстраординарности последних они все же предусмотрены нормой и находят отражение в конституционных актах. Так в концептуальном багаже Шмитта по-

является еще одна антитеза: «исключительный случай — норма», т.е. «децизионизм — нормативизм». И эта антитеза, как и все прочие, у германского правоведа выходит за рамки юриспруденции и принимает явный политический характер. Ведь норма, с точки зрения децизиониста, приобретает ценность только в том случае, если она вводится посредством политической воли, опирающейся на власть или авторитет, т.е. все тем же решением.

Само по себе решение «свободно от всякой нормативной связи и является в собственном смысле абсолютным». Оно не нуждается в нормативно-правовом обосновании. «В исключительном случае, — провозглашает Шмитт, — норма уничтожается». Исключение гораздо интереснее, чем нормальный случай.

Норма — это, на его взгляд, нечто общее, поверхностное, безжизненное, а исключение — это прорыв через заскорузлую рутинную повторяемость, всплеск страсти, жизненной силы.

Главное же решение, связанное с исключительным случаем, заключается в том, а что же считать таковым? Причем это, как настаивал Шмитт, отнюдь не юридический вопрос. Он относится к самой высокой сфере, к «политическому». И решение принимает только верховный носитель власти — суверен. Потому это «решение в высочайшем смысле».

«Всякое право — ситуационное право», — афористично высказывается Шмитт. Монополия на последнее решение принадлежит суверену. Именно в исключительном случае «раскрывается яснее всего суть государственного авторитета. Здесь решение обособляется от правовой нормы, а авторитет доказывает, что он для создания права не нуждается в праве». Таким образом, децизионизм служит обоснованием для режимов авторитарного типа.

Высшим проявлением «политического» у Шмитта предстает государство. Оно фактически обожествляется. Как пишет немецкий христианский философ П. Козловски, государство, в трактовке Шмитта, «по сути не отличается от Бога, так как государство суверенно и всемогуще, оно превращается в настоящего Бога, пусть смертного». Шмитт решительно отвергал либеральный плюралистический подход, при котором государство выглядело всего лишь одной из ассоциаций, конкурирующей с прочими. Вследствие такого плюрализма, считал он, пропадают изначальное превосходство государства, его «верховенство» по отношению к обществу и его «монополия» на высшее единство.

По мере приближения конца Веймарской республики Шмитт все больше склонялся к мысли, что будущее принадлежит тотальному государству. В этом он усматривал неодолимую тенденцию XX в. Если в либеральном XIX столетии,

утверждал Шмитт, доминировала тенденция к максимальному ограничению роли государства, к свободной игре экономических и политических сил, разделению между государством и обществом, то теперь ситуация существенно меняется. Настоятельное требование времени — это превращение либерального государства в тотальное, для которого характерна «идентичность государства и общества».

Преимущество тотального государства, его особая сила в свойственных ему «качественности» и «энергии», которые, в свою очередь, обусловлены находящимися в его исключительном распоряжении новейшими техническими средствами власти (прежде всего радио и кино). Такое государство не оставляет почвы для враждебных ему сил; оно хорошо умеет отличать врагов от друзей.

При гитлеровском режиме в процессе борьбы за «ариизацию» конституционного права Шмитт воевал и против формализованного, как он тогда говорил, понятия «правового государства», введенного в оборот «еврейским преподавателем права» Шталем. Теперь, по словам Шмитта, в качестве ключевого понятие «правовое» вытеснено понятием «тотальное».

Нужно признать, что «тотальность» в интерпретации Шмитта не вполне тождественна тоталитаризму. Под рубрику «тотального» попадают различные отклонения от либерально-индивидуалистических принципов и свобод: ограничение свободы торговли, экономической деятельности, конкуренции мнений в прессе, а также централизация и усиление власти исполнительных органов по сравнению с законодательными, устранение разделения властей и т.д. «По отношению к манчестерскому (классическому) либерализму, — писал Шмитт, — и «новый курс» президента Рузвельта является уже суровым «тоталитаризмом».

Шмитт воспевал всемогущее государство: «Такое государство не должно допускать деятельности внутри страны антигосударственных сил, которые бы мешали ему осуществлять свои функции или раскалывали его. Оно не намерено давать в руки своих собственных врагов и разрушителей новые средства власти, помогать им подрывать свои позиции с помощью ссылок на такие понятия, как «либерализм», «правовое государство» и тому подобное»¹⁴.

Тем самым тенденция к «тоталитарному государству» предстает как универсальная и неотвратимая. В результате стираются различия между действительно тоталитарным, основанным на перманентном терроре, контроле над всеми сферами жизни, режимом и интервенционистским

государством «всеобщего благосостояния», как-то были рузвельтовские Соединенные Штаты. В этом сказывалась явная недооценка жизнеспособности либеральной парламентской демократии. Шмитт не видел скрытых в ней резервов, веруя исключительно в силу «тотального государства». На практике же либеральная демократия оказалась гораздо сильнее, чем он полагал. Ее жизнестойкость определяется способностью преодолевать свои собственные слабости и даже превращать их в силу. И, напротив, тоталитарные режимы, казавшиеся могучей и монолитной структурой, успели развалиться и исчезнуть, тогда как либеральная демократия продолжает развиваться, находя, пусть и не без труда, ответы на вызовы времени.

Ее сильной стороной является умение извлекать нечто ценное для себя и в критике, которой ее подвергают противники. В противостоянии обычно содержится малая доза соответствующего яда. И либеральной демократии бывает полезна инъекция децизионизма. Ведь она не гарантирована от разного рода ненормативных, исключительных обстоятельств, требующих неординарных и оперативных решений. Есть у нее и непримиримые противники, по отношению к которым не избежать шмиттовского критерия «друг — враг».

«Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все», — так эффектно звучит «формула Шмитта».

Список литературы

1. Баев В.Г. Германское государство в период Веймарской республики в Германии 1919–1933 гг. в зеркале мемуарной литературы. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2002.
2. Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны. М.: Наука, 1987.
3. Дугин А. Консервативная революция. М.: Изд-во Арктогея, 1994.
4. Конституции буржуазных государств. Т.1. Великие державы и западные соседи СССР. М.-Л., 1935.
5. Лобковиц Н. Карл Шмитт — католический фашист? // Вопросы философии. 2001. № 5.
6. Магун А.В. (Мичиганский университет). Новый строй земли. Карл Шмитт как диагност современного кризиса в мировой политике // Политические исследования. 2003. № 2.
7. Рахшмир П.Ю. Карл Шмитт. Политика — мера всех вещей // Новый Компаньон. 2000. № 13. 25 апр. // URL: <http://www.nk.permonline.ru>.
8. Сулимов К. Политико-правовые воззрения К. Шмитта. К вопросу о негативном опыте конституционализма // Русский журнал. Политика. 2001. № 12 // URL: www.russ.ru/politics/20011211-sul.html.
9. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
10. Dahlheimer M. Carl Schmitt und der Deutsche Katholizismus. 1888-1936. Paderborn, 1996.
11. Deutsche Juristen-Zeitung XXIX (1933).
12. Meier H. Carl Schmitt, Leo Strauss und «der Begriff des Politischen». Stuttgart, 1988.
13. Schmitt K. Das Reichshofhaltergesetz. Berlin, 1933.

¹⁴ Цит. по: Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны. М.: Наука, 1987. С. 81.

The legal scholar Carl Schmitt politics in Weimar Germany (1919–1933)

Баев V.G.,

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Labor and Entrepreneurial Law Law Institute
Tambov State Technical University
E-mail: vgbaev@gmail.com

Abstract. *The article discusses the life and scientific work of one of the most prominent, controversial and challenging philosophers and jurists of Germany of the end XIX–XX centuries Carl Schmitt. His political and legal views were formed in the area of confrontation and interaction between science and policy. Schmitt taught not only the law but also political science. The policy was organically included in all teaching legal courses. Special emphasis is placed on the relation of Schmitt to democracy and the Weimar Constitution.*

Keywords: *Carl Schmitt, the Weimar Constitution, nazism and the Nazi party, the notion of the political.*

References

1. Baev V.G. Germanskoe gosudarstvo v period Veimarskoi respubliki v Germanii 1919–1933 gg. v zerkale memuarnoi literatura. Tambov: Izd-vo Tambovskogo un-ta, 2002.
2. Galkin A.A., Rahshmir P.Yu. Konservatizm v proshlom i nastoyashem. O social'nyh kornyah konservativnoi volny. M.: Nauka, 1987.
3. Dugin A. Konservativnaya revolyuciya. M.: Izd-vo Arktogeya, 1994.
4. Konstitucii burzhuaznyh gosudarstv. T.1. Velikie derzhavy i zapadnye sosedi SSSR. M.-L., 1935.
5. Lobkovic N. Karl Shmitt — katolicheskii fashist? // Voprosy filosofii. 2001. № 5.
6. Magun A.V. (Michiganskii universitet). Novyi stroi zemli. Karl Shmitt kak diagnost sovremennogo krizisa v mirovoi politike // Politicheskie issledovaniya. 2003. № 2.
7. Rahshmir P.Yu. Karl Shmitt. Politika — mera vseh veshei // Novyi Kompan'on. 2000. № 13. 25 apr. // URL: <http://www.nk.permonline.ru>.
8. Sulimov K. Politiko-pravovye vozzreniya K. Shmitta. K voprosu o negativnom opyte konstitucionalizma // Russkii zhurnal. Politika. 2001. № 12 // URL: www.russ.ru/politics/20011211-sul.html.
9. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo // Voprosy sociologii. 1992. № 1.